

Лебедев, С. Ю. Наука о литературе в ситуации постмодерна / С. Ю. Лебедев // Русская и белорусская литературы на рубеже XX – XXI веков: сборник научных статей. В 2 ч. Ч.2 / редкол.: С.Я.Гончарова-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2007. – С. 165 – 170.

Авторы: Лебедев, Сергей Юрьевич

Тема: Литературоведение, методология науки.

Издатель: РИВШ

Аннотация: В статье рассматривается современное состояние литературоведения. Анализируется разница «теоретическим» и «интуитивным» подходами в гуманитарных науках.

С.Ю.Лебедев, г. Минск

НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

Как и большинство гуманитарных дисциплин, литературоведение отстает сегодня по «фундаментальности» от наук естественных (под «фундаментальностью» мы подразумеваем предельно возможную формализацию знаний о том или ином аспекте действительности). Связано это, в первую очередь, с тем, что литературоведение четко не осознает предмет исследования. Природа и сущность художественного произведения до сих пор не прояснены. Изучение конкретного аспекта литературного произведения часто превращается в исследование лингвистическое или стилистическое, а рассуждения «о произведении вообще» заканчиваются либо изложением своей собственной идеологической позиции, так или иначе трактующей художественный текст (критика), либо рассмотрением факторов его возникновения – конкретно-исторических (социологизм) или психических, подсознательных (фрейдизм).

М.М.Бахтин еще в 1924 году говорил о «печальном» смысле поэтики как науки, указывая на ее «претензию построить науку об отдельном искусстве независимо от познания и систематического определения своеобразия эстетического в единстве человеческой культуры» [1:28], что, по его мнению, приводит такую науку «к чрезвычайному упрощению научной задачи, к поверхностности и неполноте охвата предмета, подлежащего изучению» [1:30]. О необходимости рассмотрения литературного произведения именно с позиций **философии литературы** и сегодня продолжают говорить

ученые (М.С.Каган, например, утверждает, что «открещиваясь от философского уровня познания культуры, все частные культуроведческие дисциплины (а литературоведение, несомненно, относится к таковым. – С.Л.) обречены на чисто эмпирическую, фактографическую, поверхностную описательность» [2:20]).

По-настоящему **научное** рассмотрение любого материального или идеального объекта подразумевает предельную теоретизацию методов его исследования, которые приводят к более или менее объективной стройной системе знаний о нем. Философы отмечают, что «в целостной, иерархически организованной системе знаний информационные потоки движутся и снизу вверх (от фактов к теории), и сверху вниз (от предельных метанаучных и философских абстракций к эмпирическим данным), взаимно дополняя, усиливая друг друга, обеспечивая системе способность непрерывного развития» [3:19]. Можно ли таким, сугубо научным образом, исследовать специфический объект – художественное произведение? Сегодняшнее литературоведение зачастую принципиально не признает какой бы то ни было научности, а склонно к интерпретации. Очевидно, что специфика восприятия художественного образа, его амбивалентность вызывает желание «не трогать музыку руками», так как при этом создается иллюзия разрушения того, **что** заставляет «чувствовать» произведение, сопереживать ему. «Чувственный» момент образа действительно диктует гуманитарной научной мысли «подключать» не только интеллект, но и ресурсы «души». Как отмечал Б.А.Успенский, в художественном произведении «*идеологический* или *оценочный* (здесь и далее в цитатах все выделено авторами – С.Л.) <...> уровень наименее доступен формализованному исследованию: при анализе его по необходимости приходится в той или иной степени использовать интуицию» [4:19]. Для философии давно не является секретом, что «подлинно творческие акции мысль совершает не на своей территории, а на территории бессознательной психики» [3:26]. Однако для искусствоведа вообще и для литературоведа в частности должно быть очевидным, что «целостность художественного явления не только “непосредственно воспринимается”, но и *мыслится*» [5:102]. «Хаос чувственности» в произведении искусства – ложная предпосылка к объявлению последнего «непознаваемым». Как говорят ученые, «понятие хаоса отражает непознанные закономерности <...>, то есть имеет относительный характер» [6:45]. Это не значит, что в литературоведение необходимо «перенести» естественнонаучную методологию. (Цели анализа в естественных и гуманитарных науках не

совпадают: для естественных наук явление – лишь проявление сущности, познание которой и есть их цель; гуманитарные же науки сущность рассматривают как абстракцию, имеющую смысл лишь при ее конкретном «наполнении».) Просто действительно назрела необходимость **познания** произведения искусства. Познания, которое, с одной стороны, недвусмысленно определит место последнего в сложнейшей системе окружающего нас материально-духовного мира, а с другой стороны, сможет прояснить особенности и специфику каждого конкретного его явления.

Литературоведение как наука уже давно перестало быть наукой однонаправленной, «однородной». Существует масса трактовок самого объекта исследования – художественного произведения – и, как результат этого, множество научных и «инонаучных» подходов к его рассмотрению. Даже в рамках вполне определенного понимания сущности художественного произведения углубленное изучение его конкретных аспектов зачастую приводит к «разрыву» между результатами таких исследований. Ученые, рассматривающие «локальные» моменты литературного произведения, все чаще перестают понимать друг друга. И это уже – не специфическая проблема литературоведения. Философы говорят о внутринаучном парадоксе, при котором приращение знаний в одной области приводит к «размыванию» **общности научной дисциплины**. Примером тому в литературоведении может служить практически абсолютное «невзаимодействие» семиотических и «эссеистических» подходов к художественному произведению, западноевропейских школ постструктурализма, нарратологии, деконструктивизма и школ социологических или «стиховедческих». Скрупулезно рассмотренные уровни изучаемого текста в узкоспециализированных исследованиях парадоксальным образом умудряются не только не объяснить сути всего рассматриваемого объекта, но и вывести за его пределы человека, личность. Как считают ученые, «выходом из такого парадокса, способствующим превращению неполноты знания в относительную полноту, может служить некоторая предельно общая теория, соединяющая в целостный объект ранее не связанные отдельные объекты» [7:38]. С нашей точки зрения, таковой является методология целостного эстетического анализа художественного литературного произведения.

Литературоведы, работающие в этом направлении, рассматривают произведение искусства как **художественную модель** мира,

являющуюся результатом отражения в сознании человека окружающей действительности. Как любая модель, художественная модель мира как результат взаимодействия человека и реальности включает в своей структуре «закодированные» свойства как объекта (реальности), так и субъекта (сознания). Главное отличие **художественной модели** мира от любых других моделей – это приоритет в ее структуре «личностного», субъективного начала. Художественное отражение мира – это не столько отражение реальности, сколько **выражение себя** посредством того, **что** отражаешь. При изучении такой модели, соответственно, задача исследователя – не рассмотрение признаков, существенных для реального объекта отражения (действительности), а выяснение «запечатленных» в ее структуре особенностей **субъекта отражения** (конкретного сознания). Изучить такую модель именно как **художественную** – значит рассмотреть ее как «продукт» деятельности сознания ее субъекта. **Объектом** любого произведения искусства всегда является **действительность**, а **содержанием** – **личность**.

«Представления» субъекта об объекте отражения (реальном мире), – и есть собственно предмет науки об искусстве вообще и литературоведения в частности. Рассмотрение других аспектов в художественной модели переводит ее из разряда художественных в любой другой разряд – в зависимости от того, **что** интересует исследователя (например, в разряд «текстов» наряду с любыми нехудожественными текстами или в «продукт бессознательного» наряду с оговорками и сновидениями) – а это уже не рассмотрение «продукта» работы собственно **художественного** сознания. И даже «просто» анализ «образности» произведения не является анализом самого произведения. Г.Н.Поспелов справедливо утверждал, что «образ как специфическая форма художественного творчества вытекает из его специфического, художественного *содержания*, создается для его выражения и тем самым не возникает и не существует сам по себе» [8:161]. То есть настоящий анализ «образности» – это анализ того, **что** ее – именно такую – породило, того, что она **выражает**, а не что она **отражает**.

Произведение искусства, как и любой другой объект реального или идеального мира, является объектом-системой в системе объектов данного рода. Развести «целостность» и «системность» в таком объекте – значит «вывести» его «за пределы» науки. Научный подход к любой целостности, по мнению ученых, «включает в себя оба момента – и интегральный, и элементный. Всякие попытки найти сущность целостности, оставаясь на уровне элементов, как и стремление искать ее

причины вне системных пределов, ведут к тому, что познание покидает почву объективных фактов и, следовательно, подрывает свою практическую и теоретическую силу» [9:148]. Понимание произведения искусства как «нецелостной системы» приводит в литературоведении к «разрыву» связей между его уровнями; трактовка же произведения как «несистемной целостности» подразумевает под ним «вещь в себе», в принципе нерасчленимую и, следовательно, не поддающуюся анализу.

Целостная система художественного произведения, как и любая другая, «предполагает не любую связь между элементами, а прежде всего такую, которая подчиняет их движение определенной закономерности» [6:67], следовательно, один и тот же объект может рассматриваться как качественно разные системы-целостности. Например, литературное произведение может рассматриваться лингвистикой как текст в системе множества текстов, литературоведением как произведение искусства в системе множества произведений искусства, а семиотикой – как объект в системе других семиотических объектов.

Что же определяет все моменты художественного целого, регулирует актуализацию того или иного его уровня? Как и в любой системе, в произведении искусства вообще и литературно-художественном произведении в частности существует «регулятор», «управляющий» всей его структурой. «Какой фактор упорядочивает множество компонентов системы? Таким решающим и единственным фактором является результат» [10:74]. Результатом художественной деятельности всегда является **выражение себя**. Именно конкретное мировоззрение, система ценностей и есть фактор, диктующий «построение» всего произведения и его эстетическую завершенность. Любая художественная модель – модель сознания, «ядро» которого – **образная концепция личности**. Анализ стиля произведения должен, в идеале, «вывести» исследователя на образную концепцию личности. Только так познав художественное произведение, мы познаем его именно как **художественное**.

Литература:

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986.
2. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: Издательство «Лань», 1998.
3. Егоров А.В. Диалектика сознания. – Минск: Минский радиотехнический институт, 1993.

4. Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
5. Сапаров М.А. Термины и метафоры (дискуссионные проблемы литературоведческой терминологии) // Русская литература. Историко-литературный журнал. – Л.: Наука, Ленинградская отделение. – 1979. – № 1. – С. 102 – 119.
6. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. – М.: Политиздат, 1985.
7. Карпов В.А. Язык как система. – Минск: Высшэйшая школа, 1992.
8. Поспелов Г.Н. Вопросы методологии и поэтики. – М.: Издательство МГУ, 1983.
9. Абрамова Н.Т. Системный характер научного знания и методы исследования целостных объектов // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. С. 142 – 153.
10. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ